

A woman with large breasts and pointed ears, wearing a dark, ornate corset, is looking into a large, ornate oval mirror. Her reflection shows her with a shocked expression, her hands on her chest. In the background, several other figures with pointed ears are visible in a dimly lit room with candles and heavy drapery.

ЛЕОН & МОНТАН

Проклятие
восьмого размера

Леон Монтан

Проклятие восьмого размера

<https://litres.ru/74583917>

Аннотация

Нашла на чердаке старинный корсет — готовься к неприятностям. Яра не знала этого правила, когда натягивала на себя изящную обновку. И теперь вместо родного плоского тела просыпается в шкуре эффектной эльфийки.

Размер имеет значение. Особенно — магическое.

Была плоская ведьма-неудачница — стала роскошная эльфийская куртизанка с бюстом, который видно из-за горизонта. Чужое тело, чужие долги (очень интимного свойства), чужая магия, которая работает по правилам: чем больше грудь — тем больше сила. И турнир чаровниц, где побеждает не самая искусная волшебница, а самая... убедительная.

Яра привыкла работать головой, но теперь придётся тем, что находится чуть ниже. Но ничего: алхимия, находчивость и здоровый скептицизм творят чудеса даже там, где их принято творить через декольте.

Главное — рассчитаться с долгами и не лопнуть... от магии.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА МОЮ СТРАНИЦУ

Содержание

Глава 1. Корсет не по размеру	4
Глава 2. Его Величество и прочие неприятности	20
Глава 3. Долговая яма	38
Глава 4. Магия: инструкция по применению	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1. Корсет не по размеру

Староста была женщиной основательной. В тех краях, где ветер пахнет полынью, а мужики — самогоном, это означало примерно следующее: полтора центнера живого веса, командный голос, которым она перекрикивала ярмарочный гвалт, и абсолютную, неколебимую уверенность, что мир обязан подчиняться ей по факту её существования.

— Яринка! — гаркнула она, возникая на пороге травяной лавки ровно в тот момент, когда Ярина перетирала в ступке особо капризный корень мандрагоры. От неожиданности пестик ушёл куда-то не туда, и едкая пыльца взвилась облаком.

Яра прокашлялась, проморгалась и уставилась на гостью слезящимися глазами.

— Тётка Марфа, стучаться пробовали?

— Некогда! — Женщина втиснулась в лавку, едва не снеся плечом стеллаж с сушёными поганками. — Дело государственной важности!

В Чернолесье «государственная важность» обычно означала, что у старостихи запор, мигрень или иная напасть, требующая немедленного травяного вмешательства. На этот раз Яра ошиблась...

— Усадьба Белого Дуба, — выдохнула староста. — Та, что на отшибе. Которую никто не обихаживал с позапрошлого года.

— Помню. Там ещё, говорят, призрак бывшего владельца бродит. В виде здоровенного филина с человеческими глазами.

— Тем более! — Староста хлопнула ладонью по прилавку. Стекланные банки жалобно звякнули. — Я тебе ключ, ты мне — полный порядок на чердаке. Там вековой хлам, а мне эту усадьбу к свадьбе племянницы готовить. Вдруг чего ценное найдётся? Серебро там, фарфор?..

— С чего вы взяли, что я соглашусь?

— С того, — старостиха прищурилась, — что меня от твоего зелья, неделю в прошлый раз пучило!

Яра вздохнула. Спорить с тёткой Марфой было так же продуктивно, как убеждать крапиву не жечься.

Усадьба Белого Дуба стояла на отшибе и выглядела соответственно: покосившийся забор, заросший плющом фасад, чёрные провалы окон, в которые не заглядывало солнце уже, кажется, лет пятьдесят. Дуб, в честь которого усадьбу называли, давно засох и теперь напоминал скелет доисторического чудища.

— Прекрасное место для того, чтобы тебя прокляли, ограбили или съели, — пробормотала Яра, отпирая ржавый замок.

Внутри пахло пылью, мышами и временем — тем самым запахом, который появляется, когда вещи лежат без движения слишком долго и постепенно забывают, зачем они нужны. Старинная мебель под чехлами, пыльные люстры, мут-

ные зеркала, в которых Яра видела своё отражение как смутную тень.

Она на мгновение задержалась, изучая до боли знакомый облик. Двадцать пять лет, тощая, как молодая берёзка, с руками, перепачканными травяными соками до такой степени, что ногти имели устойчивый зеленоватый оттенок. Волосы — мышинового цвета, собранные в жиденький пучок на затылке. Лицо — ну, лицо как лицо. Глаза, нос, рот — всё на месте, всё функционирует, спасибо и на том. А грудь... ну какая у травницы грудь? Травнице грудь не положена. Травнице положены мозги, реактивы и крепкая запирающаяся дверь от кредиторов.

Лестница на чердак встретила её пугающим скрипом. Яра поднималась осторожно, попутно отмечая, что ступеньки прогнили куда сильнее, чем можно было предположить снизу. Если старостиха решит устроить тут свадьбу племянницы, пусть заодно вызывает плотника.

Чердак оказался именно таким, каким его рисуют в страшных сказках: огромное пространство под скошенной крышей, затянутое паутиной всех возможных видов. Мёртвые мотыльки хрустели под ногами. Лучи солнца пробивались сквозь щели в кровле — толстые, золотые, полные танцующей пыли. Старые сундуки, сломанные стулья, рулоны выцветшего шёлка, чучело ворона с оторванным крылом, стопка книг в кожаных переплётах (Яра мысленно поставила галочку: посмотреть обязательно), коробка с игрушками,

скелет какого-то мелкого зверька и...

И сундук.

Он стоял в дальнем углу — небольшой, из тёмного дерева, окованный медными полосами. Медь позеленела от времени, но сам сундук выглядел подозрительно хорошо сохранившимся. Будто время обходило его стороной.

Яра, будучи травницей, а значит — человеком с научным складом ума, знала: если что-то выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — оно проклято.

Но травницы — народ любопытный. Она откинула крышку.

Внутри лежал корсет.

Не просто корсет — а Корсет. С большой буквы. С большой буквы, восклицательного знака и, пожалуй, небольшого фейерверка в придачу. Чёрный шёлк, переливающийся в тусклом свете чердака так, будто в ткань вплели жидкую ночь. Серебряная вышивка — тончайшая, явно ручная работа, узоры, напоминающие одновременно цветы и какие-то письмена. А по нижнему краю — руны. Не вышитые, а будто вплавленные прямо в ткань, горящие холодным синеватым светом.

Яра замерла.

Она знала руны. Не все, конечно, — но достаточно, чтобы понимать: этот алфавит не использовали уже несколько столетий. Его называли лунным письмом, и, по легендам, им пользовались эльфы старшего круга для создания артефак-

тов.

В голове травницы тут же включился внутренний калькулятор. Артефакт... Старинный, эльфийский, есть руны. Если продать...

Но тут же включился второй внутренний голос — тот, который обычно советовал не есть подозрительные грибы и не разговаривать с незнакомыми колдунами после заката. «Яр-р-ра, — прошипел он, — положи эту дрянь обратно и закопай сундук поглубже».

Первый голос, однако, звучал громче. И он говорил: «А вдруг там внутри есть ещё что-то? Вдруг под корсетом лежит золото? Драгоценности? Древние рецепты снадобий?!»

Ничего этого под корсетом, разумеется, не лежало. Но пока Яра это выясняла, она уже держала корсет в руках. Шёлк оказался прохладным и странно тяжёлым — как будто ткань была живой. Как будто в ней было что-то спрятано.

А ещё он пах.

Не пылью, не временем, не чердаком — а чем-то сладким и пряным. Жасмином, мускусом и чем-то ещё — неуловимым, будоражащим. Запахом, от которого по спине пробежали мурашки.

— Ладно, — сказала Яра вслух, потому что привыкла думать вслух, когда нервничала. — Просто посмотрю, как он сидит, для научного интереса. Потому что я травница, а травницы должны знать крой исторических корсетов. Для общего развития.

Внутренний голос забился в истерику.

В углу чердака стояло мутное напольное зеркало — видимо, его подняли сюда за ненадобностью. Яра, попутно скинув верхнюю одежду (оставшись в нижней сорочке — вполне приличной, между прочим), приложила корсет к груди и критически осмотрела себя.

Ну да, никакой груди... практически. То, что у неё было, можно было скорее назвать «анатомическим намёком». Грудь первого размера — и то, если сильно польстить.

— Ну хуже то точно не будет... — фыркнула она и начала шнуровать.

Корсет сел идеально, будто его шили на неё. Словно он ждал, пока какая-нибудь травница с плоской грудью и отсутствием инстинкта самосохранения забредёт на этот чердак и...

Руны вспыхнули.

Не просто засветились — полыхнули синим огнём, холодное пламя лизнуло ткань. Яра дёрнулась, чтобы сорвать корсет, но пальцы онемели. Шнуровка затянулась сама — туго, до хруста рёбер, до невозможности вдохнуть.

— Что за...

Вспышка.

И ослепительная чернота, которая поглотила всё: чердак, пыль, сундук, скелет зверька, внутренний голос, чувство времени и пространства. Яра попыталась закричать — и не смогла. Удушье скрутило горло, мир завертелся цветной

спиралью уходящего в трубу сознания...

Темнота.

Полная, густая, как будто её закатали в чёрный шёлк и убрали в сундук.

Пробуждение началось с запаха.

Жасмин. Тот самый, что она почувствовала от корсета, но теперь — гуще, плотнее, будто она лежала в охапке цветов. К нему примешивался аромат свечного воска, дорогого масла и ещё чего-то — горячего, сладкого, незнакомого.

Вторым ощущением была мягкость. Невероятная, невозможная мягкость. Она лежала на чём-то, что напоминало облако, если бы облака ткали из шёлка. Простыни скользили по коже — голой коже — гладкие и прохладные.

Яра открыла глаза.

Над ней был балдахин. Тёмно-синий, расшитый серебряными звёздами, ниспадающий мягкими складками с четырёх резных столбиков кровати. Кровати, которая была размером примерно с её лавку. Нет, пожалуй, больше.

Она села — и тут же заметила три вещи.

Первое: кровать стояла посреди роскошной спальни. Мраморный пол, стены, обитые шёлком, окна от пола до потолка, задёрнутые прозрачными занавесями, сквозь которые лился мягкий золотистый свет. Изящная мебель, инкрустированная перламутром. Вазы с живыми цветами. Канделябры с оплывшими свечами.

Второе: она была абсолютно, вызывающе, неприлично го-

лая. Без корсета, без сорочки, без всего... Простыня едва прикрывала бёдра — и то, кажется, по чистой случайности.

И третье...

Прямо напротив кровати стояло зеркало. Огромное, в полный рост, в золотой раме с гравировкой в виде виноградных лоз. Зеркало было безупречно чистым, без единого пятнышка — полная противоположность мутному чердачному стеклу. Оно отражало всё, до последней детали.

Яра уставилась в зеркало, а из зеркала на неё уставилась незнакомка.

Это была не Ярина.

Волосы — водопад густого, тяжёлого, чёрного шёлка, рассыпавшегося по плечам и спине. Лицо — не «глаза-нос-рот», а... а *лицо*. Высокие скулы, точеный подбородок, пухлые губы, огромные миндалевидные глаза цвета расплавленного мёда. Кожа — светящаяся, гладкая, без единого следа травяных пигментов. Уши — чуть заострённые кверху, эльфийские уши...

Но главное было ниже.

Яра опустила взгляд — и чуть не упала в обморок.

Грудь.

Это была... это была даже не грудь. Это был бюст такой величины, что у Яры не находилось слов. У неё не находилось аналогов. Если её собственная грудь была «анатомическим намёком», то эта была ПОЛНАЯ АНТОЛОГИЯ. Восьмой размер, как минимум. Может, даже девятый — Яра в та-

ких вопросах не разбиралась, потому что её познания в области женской груди заканчивались на втором, да и то теоретически.

Эти... эти две... штуки занимали столько места в отражении, что она искренне не сразу заметила всё остальное.

— Что... — прошептала она.

Голос был чужим. Низким, грудным, с лёгкой хрипотцой — как у певиц в дорогих тавернах.

Яра попыталась встать.

И чуть не упала вперёд.

Центр тяжести — она поняла это мгновенно, всё-таки травница обязана понимать физику, — сместился катастрофически. Её тело, *эмотело*, было сконструировано по каким-то иным законам. Не по тем, к которым она привыкла за двадцать пять лет. Верхняя часть туловища перевешивала всё остальное, как перегруженный корабль.

Она ухватила за столбик кровати, судорожно пытаясь удержать равновесие. Простыня предательски сползла.

— Так, спокойно, — пробормотала Яра. — Спокойно, это сон. Я просто надышалась плесенью на чердаке и теперь лежу в отключке.

Она снова покосилась в зеркало. Отражение не изменилось: шикарная эльфийка с бюстом, способным вызвать религиозный кризис у праведника.

— Это не сон, — сказала Яра. — Во сне я бы придумала себе грудь поменьше.

Внезапно распахнулась дверь.

— Госпожа Сильвия!

В спальню влетело нечто миниатюрное, голубоглазое и невероятно деловитое. Девушка — скорее даже девчонка — с копной каштановых кудряшек, выбивающихся из-под белого чепчика. Круглое личико, усыпанное веснушками, вздёрнутый нос. Одета в форменное платье горничной — тёмно-синее с белым передником, — которое сидело на ней как на одуванчике: аккуратно, но с ощущением, что в любой момент может разлететься.

— Вы ещё в постели?! — всплеснула она руками. — Его величество ждёт вас в тронном зале через час!

Яра открыла рот.

— Я... что?

— Его величество, ждёт вас через час, — повторила девица, уже метнувшись к огромному шкафу в углу спальни. Дверцы распахнулись, явив ослепительное содержимое: десятки платьев из шёлка, бархата, атласа, расшитых камнями, кружевами, золотой нитью. — Платье, платье, платье... что бы надеть... Может, изумрудное? Или серебряное? О, точно, алое! Его Величеству нравится, когда вы в алом!

— Постой, — выдавила Яра, вцепившись в столбик кровати. — Как тебя зовут?

Девица замерла и медленно обернулась. Огромные голубые глаза стали ещё больше — хоть это и казалось физически невозможным.

— Госпожа?.. — её голос дрогнул. — Я Лисси, ваша личная горничная уже три года. Вы... вы шутите?

— Лисси, — повторила Яра. — Хорошо. Прекрасно, Лисси... — она глубоко вдохнула (грудь при этом колыхнулась так, что в зеркале случилось микроземлетрясение). — Лисси, где я нахожусь?

— В Лунном Дворце, госпожа. В ваших личных покоях в восточном крыле. — Лисси переводила взгляд с лица «Сильвии» на её побелевшие костяшки, вцепившиеся в кровать, и обратно. — С вами всё хорошо? Вы... вы какая-то странная сегодня.

«Странная» — это было ещё мягко сказано...

Яра глубоко вдохнула и приняла единственное решение, доступное травнице в ситуации полного и катастрофического абсурда: решение ничего не решать прямо сейчас, а действовать по обстановке.

— Лисси, — сказала она максимально спокойным голосом (в исполнении нового горла он звучал как мурлыканье большой кошки), — я... мне нужна помощь. Я плохо спала. Мне снились... очень странные сны. И я немного не в себе. Расскажи мне, пожалуйста, кто я, где я, и что его величество от меня хочет.

— Ох, госпожа, — Лисси всплеснула руками, — опять эти ваши эксперименты с лунными настойками! Я же говорила: не пейте перед сном больше трёх капель! Они память отшибают, ещё та бабка-зельеварша предупреждала!

«Эксперименты с настойками», «бабка-зельеварша»... Что-то знакомое мелькнуло в этом безумном калейдоскопе. В конце концов, Яра сама была травницей и зельеваршей. Может, не всё потеряно?

— Итак, — она наконец отпустила столбик кровати и осторожно, балансируя новым центром тяжести, сделала шаг, — я — Сильвия. Так?

— Леди Сильвия Лунная Песнь, — с готовностью подтвердила Лисси. — Первая чаровница Лунного Двора, фаворитка его величества короля Алдариона Звёздный Венец, претендентка на победу в турнире чаровниц этого года, и вообще — самая роскошная женщина во всём эльфийском королевстве!

С каждым титулом брови Яры (то есть брови Сильвии) поднимались всё выше.

— Чаровница, — повторила она. — Турнир, фаворитка. — Она помолчала. — Что значит «чаровница»?

Лисси моргнула:

— Госпожа, может, всё-таки позвать лекаря? Вы точно хорошо себя чувствуете?

— Я чувствую себя отлично, — солгала Яра. — Кроме того факта, что не помню ничего из своей жизни. Совсем ничего. Лисси... — она нашла в себе силы улыбнуться. — Просто расскажи, как ребёнку. Как будто я только вчера родилась.

Лисси, всё ещё хмурясь, достала алое платье из шкафа и начала расправлять его на кровати. Попутно она затаратори-

ла — видимо, за три года службы привыкла, что с «госпожой» нужно работать быстро:

— Ну... чаровницы — это эльфийские волшебницы, которые используют магию через... хм... чувственность. Чем больше вы чувствуете, тем мощнее ваши чары. И чем больше у вас... ну... — она красноречиво покосилась на бюст Яры, — ...тем больше в вас магической силы.

— Подожди.

Яра выставила руку.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнесла она, — что в размер груди... определяет магическую силу?

— Ну... не только, — замялась Лисси. — Ещё важны чувствительность, гибкость, умение концентрировать наслаждение... но в целом да. У вас восьмой размер, госпожа. Вы — одна из самых могущественных чаровниц королевства.

Яра медленно опустила взгляд на свою — то есть на свою теперь — грудь. Восьмой размер, это даже звучало как проклятие.

— И этот турнир... — начала она.

— Главное событие года! — оживилась Лисси. — Все чаровницы соревнуются за звание первой волшебницы королевства. Победительница получает доступ в забытую библиотеку, королевскую награду и... ну, ещё его величество традиционно проводит ночь с победительницей. Хотя вы и так его фаворитка, так что...

Яра смотрела в зеркало и видела, как на лице эльфийской

красавицы медленно проступает выражение тихого, неопи-
суемого ужаса.

Она — травница из Чернолесья. Она умеет заваривать ромашку, вправлять суставы и отличать съедобный гриб от несъедобного. Она понятия не имеет, как работает «чув-
ственная магия». Она никогда не участвовала в турнирах. И её отношения с мужчинами ограничивались тем конюхом, который однажды пытался поцеловать её за амбаром и полу-
чил в глаз.

А теперь она — главная претендентка на победу в магиче-
ском состязании, фаворитка короля и обладательница вось-
мого размера, от одного факта существования которого на-
чинает болеть спина.

И ей надо явиться к королю.

Через час.

— Лисси, — сказала Яра голосом, который, к её удивле-
нию, прозвучал абсолютно спокойно. — Давай платье. И рас-
скажи мне всё, что я должна знать про этот турнир.

Лисси просияла:

— Конечно, госпожа! Вы у меня будете самой прекрас-
ной!

«Я у тебя буду самой мёртвой», — подумала Яра, но вслух
сказала:

— И... Лисси. Как мне ходить в этом теле, чтобы не
упасть?

— Ой, — Лисси хихикнула, — вы точно перепили на-

стойки. Ну, смотрите: спину прямо, плечи назад, подбородок вверх. И главное — не смотреть под ноги. В вашем случае это всё равно бесполезно.

Яра попробовала. Плечи назад, подбородок вверх, спину прямо. Шаг...

И тут же покачнулась.

— Я обречена, — пробормотала она.

Лисси прыснула:

— Госпожа, не драматизируйте! Через час всё пройдёт. Вот увидите — его величество будет в восторге.

Яра смотрела в зеркало, и из зеркала на неё смотрела роскошная эльфийка с глазами, полными паники.

Где-то в далёком Чернолесье, на пыльном чердаке усадьбы Белого Дуба, лежал чёрный шёлковый корсет с погасшими рунами. И где-то — она чувствовала это всем своим новым, огромным, непривычным телом — её настоящая жизнь, её травы, её лавка, её убогая, но привычная реальность уплывали всё дальше и дальше.

А впереди маячил эльфийский король.

И час на подготовку.

Глава 2. Его Величество и прочие неприятности

— Дышите, госпожа! Дышите глубже! Нет, не настолько глубже — вы сейчас шнуровку порвёте!

Яра вцепилась в столбик кровати обеими руками и попыталась дышать «вполовину» — что, как выяснилось, было физически невозможно, когда твою грудную клетку сдавливают с усердием корабельного такелажника.

— Лисси, — прохрипела она, — этот корсет... он вообще на кого шит?

— На вас, госпожа! — жизнерадостно отозвалась горничная, налегая на шнуровку с таким энтузиазмом, будто пыталась заарканить дикого мустанга. — То есть на прежнюю вас. Вы заказывали его полгода назад у мастера Твилла, лучшего корсетника в королевстве. Правда, тогда у вас был... э-э-э...

— Пятый размер? — мрачно предположила Яра.

— Четвёртый с половиной, — деликатно поправила Лисси. — Вы ещё сказали, что хотите «подчеркнуть достоинства, не перегружая силуэт».

Яра бросила взгляд в зеркало. «Достоинства» в данный момент напоминали две дыни-переростка, которые отчаянно пытались вырваться на свободу из шёлкового плена. Корсет, рассчитанный на четвёртый с половиной размер, трещал

по швам. Где-то в районе левого бока уже раздавался подзрительный треск.

— Может, ну его? — с надеждой спросила Яра. — Платье и так сойдёт?

— Госпожа! — Лисси всплеснула руками, едва не выпустив шнурки. — Вы — первая чаровница Лунного Двора! Вы не можете явиться к его величеству без корсета! Это всё равно что... всё равно что генералу явиться на парад без сапог!

— Генерал без сапог хотя бы дышать может, — пробурчала Яра.

Лисси сделала последний, богатырский рывок. Шнуровка затянулась с таким звуком, будто где-то вдали захлопнули ворота тюремной камеры. Яра ойкнула. Её грудь, и без того занимавшая значительную часть обзора, теперь возвышалась как крепостной бастион — неприступный, величественный и абсолютно несовместимый с нормальным дыханием.

— Вот! — Лисси отступила на шаг, любуясь делом рук своих. — Идеально!

— Я сейчас потеряю сознание.

— Это нормально, госпожа. Все великие чаровницы падают в обморок перед аудиенцией. Это придаёт лицу такую... аристократическую бледность.

Яра посмотрела в зеркало. Аристократическая бледность на месте. А также аристократическая синева на губах, и аристократические искры в глазах от кислородного голодания.

— Ладно, — выдавила она. — Что дальше?

Дальше было платье. Алое, как и обещала Лисси, — шёлковое, струящееся, с глубоким декольте, которое в случае Яры было не «глубоким», а «бездонным». Платье облегалo фигуру так, будто его не надевали, а рисовали прямо на теле. Каждое движение заставляло шёлк переливаться, как жидкое пламя.

— А теперь — походка! — скомандовала Лисси. — Помните, спина прямо, плечи назад, подбородок вверх.

Яра попробовала.

И тут же покачнулась.

Центр тяжести, как она уже поняла утром, сместился катастрофически. Верхняя часть тела перевешивала нижнюю, как перегруженная телега. Каждый шаг требовал концентрации, достойной канатоходца над пропастью.

— Не смотрите вниз! — закричала Лисси. — Смотрите вперёд! Представьте, что вы — лебедь!

— Ага, лебедь с двумя арбузами на груди, — пробормотала Яра, делая второй шаг. — Это не лебедь, это генетический курьёз.

Третий шаг, четвёртый... Она начала улавливать ритм. Оказывается, если слегка откидывать корпус назад при ходьбе — как матрос на палубе во время качки — то можно сохранять равновесие. Выглядело это, наверное, странно, но работало.

— Рассказывай, — велела она Лисси, продолжая расха-

живать по спальне. — Всё, что я должна знать. Кто есть кто при дворе. Кого бояться, кому кланяться, и подробнее про турнир пожалуйста.

Лисси, воодушевлённая тем, что «госпожа» наконец-то проявляет интерес к собственной жизни, затараторила:

— Двор у нас, значит, Лунный. Королевство — эльфийское, столица — Сильван-Таэль, что в переводе с древнего означает «Серебряная Звезда». Его величество Алдарион Звёздный Венец правит уже двести лет...

— Сколько?! — Яра споткнулась. — Двести?

— Ну да, он же эльф. Ему триста сорок два года, он ещё молодой совсем. Взошёл на престол после гибели отца в Войне Первого Рассвета, с тех пор и правит. Справедливо, но... одиноко.

— Одиноко?

— Ну, — Лисси замялась, — у него были фаворитки. Вы — последняя. И, говорят, самая... э-э-э... талантливая.

Яра поморщилась. «Талантливая». Можно подумать, быть фавориткой короля — это профессия, требующая диплома и сертификата.

— Дальше, — сказала она.

— Высокий Совет. Пять лордов: безопасность, казначейство, магия, правосудие и церемонии. Самый опасный — лорд Тэриан, совет безопасности. Он... — Лисси понизила голос, — он очень опасен. Говорят, у него везде шпионы, и он имеет на вас... влияние.

Яра задумалась.

— Турнир чаровниц, — продолжала Лисси, — проводится раз в год. Участвуют лучшие волшебницы королевства. Три раунда. Победительница получает доступ в Забытую Библиотеку, королевскую награду и... ну, традиционно его величество проводит ночь с победительницей.

— А если победительница — и так его фаворитка?

— Тогда это считается... подтверждением статуса, — Лисси покраснела. — Официальным. При всём дворе.

Яра остановилась и посмотрела в зеркало. Оттуда на неё смотрела роскошная эльфийка в алом платье — воплощение соблазна, власти и магии. И эта эльфийка должна была через две недели выйти на арену и доказать всему королевству, что она — лучшая.

Проблема: она не умела колдовать от слова совсем...

Её магический опыт ограничивался завариванием ромашки и приготовлением мази от радикулита. А здесь, судя по всему, требовалось нечто иное.

— Лисси, — медленно произнесла она, — а что будет, если чаровница... провалит турнир?

Лисси побледнела:

— Госпожа, даже не шутите так! Вы — главная претендентка! На вас ставки! Огромные ставки! Если вы проиграете... — она закусила губу. — Лорд Тэриан будет очень недоволен. И другие... кредиторы. Они могут потребовать возврата долгов. Немедленно, и с процентами...

Яра представила толпу разгневанных эльфийских лордов, выстроившихся в очередь к её спальне. Перспектива была... нерадужной.

— Ладно, — сказала она. — Разберёмся. А теперь — ве-
ди меня к королю, пока я не передумала и не выпрыгнула в
окно.

— Окна выходят на внутренний сад, госпожа. Там розы,
они очень колючие.

— Тем более.

Лунный Дворец оказался именно таким, каким его рису-
ют в сказках, которые рассказывают детям перед сном, — с
той лишь разницей, что сказки обычно умалчивают о том,
насколько это всё... неудобно.

Коридоры были высечены из живого дерева — огромные
секвойи сплетались ветвями, образуя своды, сквозь которые
лился мягкий серебристый свет. Пол был выложен мозаикой
из лунного камня, и каждый шаг отдавался мелодичным зво-
ном, будто Яра шла не по дворцу, а по гигантскому музы-
кальному инструменту. Стены украшали гобелены с изобра-
жениями эльфийских битв и празднеств — на одних рубили
головы, на других танцевали, и иногда было трудно отличить
одно от другого.

И повсюду — эльфы.

Высокие, стройные, с волосами всех оттенков серебра, зо-
лота и меди. С идеальной кожей, светящейся изнутри. С дви-
жениями, плавными как вода. Они скользили по коридорам,

переговаривались мелодичными голосами, и каждый из них, проходя мимо Яры, задерживал взгляд.

На её лице.

На её груди.

Снова на лице.

И опять на груди.

— Они что, никогда не видели женщину? — прошипела Яра сквозь зубы, стараясь не сбиться с ритма «спина-плечи-подбородок-шаг».

— Они видели вас, госпожа, — тихо ответила Лисси, сменяя рядом. — Но сегодня вы... другая. Вы идёте иначе, смотрите иначе. И... — она замаялась, — вы не улыбаетесь.

— А должна?

— Прежняя вы улыбалась всем, даже стражникам. Особенно стражникам.

Яра мысленно застонала. Значит, Сильвия была не просто куртизанкой — она была публичной куртизанкой. Которая улыбалась каждому встречному. И, судя по дневнику, не только улыбалась.

Они миновали анфиладу залов, каждый из которых был роскошнее предыдущего. Зал Лунных Чаш — с фонтаном, бьющим светящейся водой. Зал Поющих Ветров — где воздух сам собой складывался в тихую мелодию. Зал Тысячи Свечей — где свечи парили под потолком, никогда не сгорая.

И наконец — тронный зал.

Он был огромен. Высота потолка терялась в серебристом

тумане. Колонны из лунного камня уходили вверх, как окаменевшие лучи света. Пол был зеркальным — Яра видела своё отражение, идущее навстречу ей снизу, и это создавало жутковатое ощущение, будто она парит над бездной.

В дальнем конце зала, на возвышении, стоял трон.

Он был вырезан из цельного куска горного хрусталя — или того, что эльфы называли горным хрусталём. На самом деле это, вероятно, был какой-то магический минерал, потому что трон светился изнутри, пульсируя мягким лунным светом в такт чему-то невидимому.

На троне сидел король.

Алдарион Звёздный Венец оказался именно таким, каким его описывала Лисси, — Серебряные волосы, ниспадающие на плечи тяжёлыми волнами. Пронзительные серые глаза, которые, казалось, видели насквозь. Точеные черты лица, которые сделали бы честь любой статуе.

Но статуи не двигаются, а этот двигался — и каждое его движение было наполнено такой сдержанной, ленивой грацией, что у Яры перехватило дыхание. Он не сидел на троне — он почти возлежал на нём, как большой серебристый кот, который знает, что он — самый опасный хищник в комнате, и никуда не торопится.

Рядом с тронном полукругом стояли советники — пятеро эльфов в тёмно-синих мантиях с серебряной вышивкой. Один из них — высокий, с тёмными волосами и масляным взглядом — смотрел на Яру особенно пристально. Она сразу

поняла: Тэриан.

— Леди Сильвия Лунная Песнь! — провозгласил мейстер, ударив посохом об пол. Звук разнёсся по залу, отражаясь от невидимых стен. — Первая чаровница Лунного Двора!

Яра сделала шаг вперёд.

«Спина прямо, плечи назад, подбородок вверх. Не смотреть под ноги. Ты — лебедь. Пусть с двумя арбузами, но лебедь».

Она шла через весь зал, и каждый шаг отдавался в зеркальном полу мелодичным звоном. Советники перешёптывались. Придворные, выстроившиеся вдоль стен, провожали её взглядами. Яра чувствовала эти взгляды физически — как прикосновения. К шее, к талии, к бёдрам... И, разумеется, к груди, которая в алом платье выглядела как вызов общественной нравственности.

Она дошла до трона, остановилась и поняла, что понятия не имеет, что делать дальше.

Кланяться? Присесть в реверансе? Падать ниц? В Чернолесье при встрече со старостихой достаточно было кивнуть и сказать «здрасьте». Здесь, судя по всему, требовалось нечто более вычурное.

Яра попыталась изобразить нечто среднее между поклоном и реверансом. Получилось плохо. Она покачнулась, взмахнула руками, чтобы удержать равновесие, и в итоге замерла в позе, напоминающей цаплю, которая пытается пой-

мать рыбу и одновременно сделать лёгкий поклон.

В зале повисла тишина.

— Леди Сильвия, — произнёс король. Голос у него оказался низким, с лёгкой хрипотцой — таким голосом хорошо читать стихи или отдавать приказы о казни. — Вы сегодня... не в духе?

— Я в полном порядке, ваше величество, — ответила Яра, выпрямляясь. — Просто... задумалась.

— О чём же?

«О том, что я — травница из Чернолесья в теле эльфийской шлюхи, и меня, кажется, сейчас стошнит от страха».

— О турнире, — сказала она вслух.

— Похвально, — Алдарион чуть склонил голову набок. — И каковы ваши прогнозы?

Яра впала в ступор.

— А что, собственно, за турнир?

Тишина стала звенящей.

Советники переглянулись. Лорд Тэриан прищурился. Придворные замерли, боясь дышать. Даже свечи, казалось, перестали мерцать.

Алдарион медленно выпрямился на троне. Его серые глаза впились в Яру с внезапным, почти хищным интересом.

— Леди Сильвия, — произнёс он, и в его голосе появилась новая нотка — не гнев, не удивление, а... любопытство. Острое, как лезвие. — Турнир чаровниц, главное событие года. Состязание, к которому вы готовились последние пол-

года. Вы хотите сказать, что забыли?

— Я... — Яра судорожно искала выход. — Я не забыла. Я просто... проверяла, помните ли вы.

Кто-то из советников поперхнулся. Лисси, стоявшая у входа, тихо застонала.

Алдарион улыбнулся. Это была нехорошая улыбка — улыбка человека, который нашёл новую игрушку и намерен с ней поиграть.

— Разумеется, я помню, — сказал он. — Турнир чаровниц — это состязание, где лучшие волшебницы королевства демонстрируют свою магическую силу. Три раунда. Победительница получает доступ в Забытую Библиотеку, королевскую награду и... моё общество на одну ночь. — Он сделал паузу. — Вы, леди Сильвия, — главная претендентка на победу. Ваш восьм... ваша магическая аура, — он обвёл рукой в воздухе неопределённую фигуру, — предполагает колоссальную силу. От вас ждут триумфа.

— Триумфа... — эхом повторила Яра.

— Именно. — Алдарион откинулся на троне, — Турнир начнётся через две недели.

Две недели.

Четырнадцать дней.

Триста тридцать шесть часов.

За которые ей нужно было научиться колдовать так, чтобы не опозориться перед всем королевством. А заодно — разобраться с долгами Сильвии, избежать домогательств Тэриа-

на и понять, как, чёрт возьми, работает магия в этом мире.

— Я не подведу, ваше величество, — сказала Яра, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Не сомневаюсь. — Алдарион снова улыбнулся. — Аудиенция окончена. Леди Сильвия, задержитесь, остальные — свободны.

Советники начали расходиться, перешёптываясь. Тэриан, проходя мимо Яры, бросил на неё взгляд, от которого у неё по спине пробежал холодок. «Позже», — говорил этот взгляд. — «Мы поговорим позже».

Лисси у выхода сделала страшные глаза и беззвучно прошептала: «Я жду в коридоре!»

Яра осталась одна. В огромном тронном зале, с королём.

— Пройдёмте, — сказал Алдарион, поднимаясь с трона.

Он оказался выше, чем она думала. На голову выше её — а она в этом теле и сама была не маленькой. Он двинулся к боковой двери, замаскированной под гобелен с изображением единорога, пронзающего рогом какого-то демона. Яра, помедлив, последовала за ним.

Малый кабинет оказался именно таким, каким и должен быть королевский кабинет: тёмное дерево, книжные шкафы до потолка, массивный стол, заваленный свитками, и камин, в котором горел синий магический огонь. Алдарион закрыл дверь — и Яра услышала, как щёлкнул замок.

Магический замок. Она чувствовала это кожей — лёгкое покалывание, означавшее, что теперь эта комната отрезана

от остального мира.

— Итак, — Алдарион повернулся к ней. — Кто вы?

Яра замерла:

— Я... леди Сильвия Лунная Песнь, ваше величество.

— Нет. — Он подошёл ближе. — Сильвию я знаю двести лет. Она не путает этикет и не задаёт глупых вопросов. Она... — он сделал ещё шаг, — ...не дрожит, когда я к ней прикасаюсь.

Его рука легла на её подбородок. Пальцы были прохладными и твёрдыми. Он приподнял её лицо, заставляя смотреть в глаза.

— Вы сегодня какая-то... иная, леди Сильвия. Рассеянная, дерзкая. — Его большой палец скользнул по её нижней губе. — Но мне нравится.

Яра не могла дышать, и дело было не в корсете — точнее, не только в нём. Дело было в том, как он смотрел. Как хищник, который ещё не решил: съесть добычу сразу или немного поиграть с ней.

— Раньше вы мурлыкали, когда я к вам прикасался, — продолжал Алдарион, и его рука скользнула с подбородка на шею, задержалась на яремной впадинке, где бешено бился пульс. — А теперь дрожите. Как будто впервые.

«Потому что я и есть впервые, чтоб тебя!» — мысленно заорала Яра. Но вслух сказала:

— Я просто... плохо спала. Мне снились сны, очень странные сны.

— Сны, — повторил он, и его рука двинулась дальше — по ключице, к плечу, отодвигая край платья. — Расскажите мне о них.

— Там был... чердак, корсет и...

Договорить она не успела. Его вторая рука легла на её талию — властно, уверенно, по-хозяйски. Он притянул её к себе, и Яра почувствовала жар его тела сквозь шёлк платья. От него пахло чем-то терпким и свежим одновременно — как от грозы в летнем лесу.

— Вы дрожите, — прошептал он ей в ухо. — Сильвия никогда не дрожала. Сильвия всегда знала, чего я хочу, и давала это раньше, чем я успевал попросить. А вы... — его рука скользнула ниже, с талии на бедро, — ...вы стоите как вкопанная и боитесь.

— Я не боюсь, — выдавила Яра.

— Лжёте. — Его губы коснулись её уха — легко, почти невесомо. — Но мне нравится, в этом есть... новизна.

Его рука с бедра двинулась вверх — по рёбрам, по корсету, к груди. Яра замерла. Тело — чужое, предательское тело Сильвии — реагировало само. Соски затвердели, прижимаясь к шёлку корсета. Дыхание сбилось. Между ног стало горячо и влажно — она чувствовала это с пугающей отчётливостью.

«Нет, нет, нет, это не я, это тело, это проклятое тело...»

Алдарион, разумеется, всё заметил. Его пальцы нашли сосок сквозь ткань — и сжали. Не грубо, но достаточно, чтобы

Яра ахнула.

— Вот так, — прошептал он. — Вот эта реакция. Настоящая, не наигранная. — Он развернул её к себе лицом, и теперь она стояла, прижатая к нему, чувствуя каждый дюйм его тела. — Знаете, о чём я думаю?

— О чём? — голос сорвался.

— О том, что если бы я не знал насколько вы сильны, то мог бы предположить, что вы стали жертвой коварного проклятия... — Его глаза смотрели прямо в её, и в них плясали серебряные искры. — Я чувствую, что передо мной кто-то другой. Кто-то, кто никогда не был с мужчиной. Или, по крайней мере, — он усмехнулся, — никогда не был с королём.

Яра молчала. Отрицать было бессмысленно, признаваться — смертельно опасно.

Он наклонился. Его губы почти касались её губ.

— Приходите сегодня ночью, — прошептал он. — В мои покои. Я хочу понять, что с вами случилось. И хочу, чтобы вы... показали мне.

— Показала... что?

— Себя. — Его рука скользнула вниз, задирая подол платья, ложась на обнажённое бедро. Яра вздрогнула. — Себя настоящую. Без этих нелепых масок и притворства. — Его пальцы двинулись выше, к кружеву нижнего белья. — Я скучал по вам, леди Сильвия.

Он убрал руку так же внезапно, как начал, и отступил на

шаг. Яра покачнулась — ноги не держали.

— Сегодня ночью, — повторил он. — После заката. Стража будет предупреждена. — Он помолчал. — И, леди Сильвия... не опаздывайте.

Щелчок — замок открылся.

— Можете идти.

Яра вылетела из кабинета, едва не сбив с ног Лисси, которая ждала в коридоре с выражением лица человека, готового вызывать похоронную команду.

— Госпожа! — ахнула горничная. — Что он сказал?! Вы в порядке?! Вы красная как... как...

— Как свёкла, — пробормотала Яра. — Я знаю. — Она прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. Корсет, ставший на два размера теснее после всех этих манипуляций, безжалостно сдавливал рёбра.

— Лисси.

— Да, госпожа?

— Мне нужно выпить. Очень много выпить. И ещё — расскажи мне всё, что знаешь о магии. Потому что, кажется, сегодня ночью мне предстоит... практическое занятие.

Лисси округлила глаза:

— С его величеством?!

— С ним, — подтвердила Яра. — И, судя по всему, он намерен проверить мои... магические способности лично.

Она отлепилась от стены и двинулась по коридору — спи-

на прямо, плечи назад, подбородок вверх. Шаг, ещё шаг, грудь колыхалась в такт, и встречные эльфы провожали её взглядами.

«Яра, — сказала она себе мысленно, — ты влипла. Ты влипла так, как не влипала никогда в жизни. Даже когда перепутала ядовитый плющ с лечебным и чуть не угробила старостицу. Даже когда пыталась приворожить конюха и случайно приворожила его лошадь. Это — хуже. Это — катастрофа вселенского масштаба».

Но где-то глубоко внутри, под слоями паники, ужаса и возмущения, шевелилось что-то ещё. Что-то, чего она не ожидала.

Любопытство.

И, возможно, капелька возбуждения.

«Проклятый корсет», — подумала она. — «Проклятое тело. Проклятый король. И проклятая я, которая во всё это вляпалась».

Глава 3. Долговая яма

До заката оставалось несколько часов, и Яра намеревалась провести их с пользой. А именно — выяснить, в какую именно бездну она угодила, прежде чем эта бездна засосёт её окончательно.

— Лисси, — сказала она, едва они вернулись в покои, — мне нужно побыть одной. Иди... куда-нибудь отдохни. Ты заслужила.

— Но, госпожа! — Лисси всплеснула руками. — А как же подготовка к ночному визиту? Ванна с лепестками лунных лилий? Массаж с маслом серебряной розы? Завивка? Укладка? Интимная депиляция, в конце концов?!

Яра представила всё перечисленное — и её передёрнуло.

— Никакой депиляции. Никаких лепестков. Я хочу просто... посидеть в тишине. Подумать, привести мысли в порядок.

Лисси посмотрела на неё с сомнением — видимо, прежняя Сильвия никогда не приводила мысли в порядок, предпочитая приводить в порядок что-нибудь другое, — но спорить не стала.

— Как скажете, госпожа. Я буду в комнате для прислуги, если понадобится. Только... — она замаялась у двери. — Будьте осторожны. Лорд Тэриан... он опасен, очень опасен. И он имеет на вас зуб.

— Зуб? — Яра вспомнила запись в дневнике. — Скорее уж целую пасть зубов...

Лисси ушла, и Яра осталась одна.

Покои Сильвии Лунной Песни были размером с хороший деревенский дом — и обставлены соответственно. Огромная кровать под балдахином, туалетный столик, уставленный флаконами и баночками, шкаф, набитый платьями, книжные полки, несколько изящных кресел и секретер из тёмного дерева с инкрустацией перламутром.

Секретер был заперт.

Яра, будучи девушкой любопытной, осмотрела замок. Магический, но простецкий — на уровне «запри-открой» для начинающих. Сильвия явно не ожидала, что кто-то будет рыться в её вещах..

Яра приложила палец к замку и попыталась вспомнить, что говорила Лисси про магию. Чувственность, удовольствие, эмоция...

Она закрыла глаза. Вспомнила прикосновение Алдариона — его пальцы на шее, на бедре, на груди. Тело немедленно отозвалось: жар внизу живота, учатившееся дыхание, покалывание в кончиках пальцев. Яра направила это ощущение в замок — и тот щёлкнул, открываясь.

— Ага, — пробормотала она. — Значит, вот как это работает. Думаешь про это... — и замки открываются. Удобно, и отвратительно.

Внутри секретера лежали бумаги. Счета от портных, юве-

лиров и парфюмеров — на суммы, от которых у Яры округлились глаза. Любовные записки — она бегло просмотрела пару штук и покраснела: такое не каждый день прочитаешь даже в анатомическом справочнике. Несколько засушенных цветов. Локон светлых волос, перевязанный серебряной нитью. И...

Дневник.

Толстая книга в обложке из тёмно-синего бархата, с серебряным замочком. Замочек был не заперт — видимо, Сильвия не боялась, что кто-то посмеет читать её записи. Или, что вероятнее, ей было плевать.

Яра открыла дневник.

Первые несколько страниц были именно тем, чего она ожидала: описания нарядов, сплетни о придворных, восторженные заметки о собственной неотразимости. Почерк у Сильвии был летящий, с завитушками, и каждое предложение заканчивалось восклицательным знаком, а то и тремя.

«Сегодня его величество подарил мне ожерелье из лунного жемчуга!!! Оно божественно!!! Веландра позеленела от зависти, это было восхитительно!!!»

«Новое платье от мастера Твилла — алый шёлк с золотой вышивкой. Декольте такое, что лорд Мирион подавился вином, когда я наклонилась за упавшим веером. Обожаю эту жизнь!!!»

Но чем дальше Яра листала, тем мрачнее становились записи. Восклицательные знаки исчезали. Почерк становился

нервным, дёрганым. Содержание менялось.

«Тэриан узнал про артефакт. Он сказал, что не донесёт совету, если я... О боги, он такой мерзкий, но выбора нет. Три ночи. Я смогу. Я всё смогу, ради того, что будет потом».

«Генерал Кайрен. Кто бы мог подумать, что за повышение нужно платить ТАК. Утро в его покоех — это испытание не для слабых духом. Но он обещал, что мой протеже получит должность».

«Мастер клинков. Дуэль с леди Мириэль могла закончиться скандалом, но он согласился замять дело».

А потом Яра дошла до страницы, которая всё объяснила. Страница была расчерчена аккуратными колонками — видимо, Сильвия подошла к вопросу системно. В левой колонке — имена. В средней — сумма долга (в «ночах», «разах», «особых услугах» и прочих единицах измерения, о существовании которых Яра раньше не подозревала). В правой — причина.

Яра пробежала глазами список, и её тошнота нарастала с каждой строкой.

Лорд Тэриан, совет безопасности — 3 ночи — Соккрытие кражи артефакта из королевской сокровищницы.

Генерал Кайрен, Командующий гвардией — Утренняя благодарность (особая) — Повышение протеже до капита-

на.

Мастер Клинков, глава оружейной палаты — 2 раза — Молчание о дуэли с леди Мириэль.

Лорд Мирион, казначей — Особая ночь в беседке — Перевод средств на секретный счёт.

Лорд Элронд, совет магии — 1 ночь + устная благодарность — Подделка результатов магической аттестации.

Барон Сильверлейк — Половина ночи (прервано) — Доступ к закрытому крылу библиотеки.

Близнецы тени (личная гвардия Тэриана) — 1 ночь на двоих — Невмешательство в дела госпожи.

Мейстер церемоний — 3 частных танца — Включение в список участников турнира вне очереди.

Неизвестный (подпись: «К.») — Долг не определён — «Особая услуга в будущем».

Яра перечитала список. Потом ещё раз. Потом закрыла дневник, открыла снова и перечитала в третий раз.

— Близнецы тени, — произнесла она вслух. — Одна ночь

на двоих. Она... она что, всерьёз?!

Дневник не ответил, но следующая страница была ещё красноречивее. Там Сильвия подводила итоги:

«Итого: 12 кредиторов. 8 полных ночей. 3 частичных. 1 неопределённый долг. Срок погашения — до конца турнира. Если я выиграю — получу доступ к библиотеке и смогу найти артефакт, который аннулирует все обязательства. Если проиграю... лучше не думать. Они разорвут меня на части.»

И ниже, другим почерком — более мелким, торопливым: *«Корсет готов. Мастер подтвердил: руны активируются при полном инуровании на живом теле. Осталось найти дуру, которая его наденет.»*

Яра медленно закрыла дневник.

— Дуру, — повторила она. — Дуру, которая его наденет. — Она посмотрела в зеркало. Отражение смотрело на неё огромными золотистыми глазами. — Я — дура. Я — та самая дура, которая поверила в бесплатный артефакт.

Она расхохоталась. Смех получился истерическим — низкий, грудной голос Сильвии делал его похожим на мурлыканье сумасшедшей кошки.

— Меня подставили, — сказала она своему отражению. — Эльфийская сучка, которая задолжала секс половине высшего совета, специально подбросила корсет в Чернолесье, чтобы какая-нибудь идиотка его надела. И этой идиоткой оказалась я.

Отражение молчало. Отражению, кажется, было всё равно.

Яра встала и прошла по спальне. Спина прямо, плечи назад, подбородок вверх — она уже почти привыкла. Грудь колыхалась в такт шагам, но она перестала это замечать.

— Итак, — сказала она, загибая пальцы, — что мы имеем? Первое: я в теле эльфийской шлюхи. Второе: это тело должно участвовать в турнире чаровниц через две недели. Третье: если я проиграю — двенадцать кредиторов разорвут меня на части. Четвёртое: если я выиграю — я получу доступ к библиотеке и смогу найти способ вернуться. Пятое: король подозревает, что я — не Сильвия, и хочет ночью проверить это... лично.

Она остановилась.

— И шестое: у меня нет ни малейшего понятия, как колдовать.

В этот момент в дверь постучали.

Яра вздрогнула. Машинально сунула дневник обратно в секретер и захлопнула крышку.

— Кто там?

— Лорд Тэриан, совет безопасности, — раздался из-за двери низкий, вкрадчивый голос. — Откройте, леди Сильвия. Нам нужно поговорить.

У Яры похолодело внутри. Она вспомнила первую строку гроссбуха: «Лорд Тэриан — 3 ночи (за сокрытие кражи артефакта)». И подпись внизу: «Срок погашения — до конца

турнира».

— Я... я не одета! — крикнула она. — Приходите позже!

— Тем лучше, — ответил голос. — Открывайте, я не привык ждать.

Дверная ручка повернулась. Магический замок — тот самый, который Яра заперла изнутри, — щёлкнул и открылся. Тэриан вошёл, даже не замедлив шага.

Он был именно таким, каким она его запомнила: высокий, выше Алдариона, с тяжёлыми тёмными волосами, собранными в низкий хвост. Черты лица — резкие, хищные, с глубокими тенями под скулами. Глаза — тёмные, почти чёрные, с масляным блеском. Одет в тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой — форма совета безопасности. На поясе — короткий меч в ножнах.

От него исходила аура опасности — густая, удушливая, как дым перед пожаром.

— Сильвия, дорогая, — произнёс он, закрывая за собой дверь. — Ты стала слишком дерзкой. Заставляешь меня ждать. Забываешь о своих обязательствах. — Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Это нехорошо.

— Лорд Тэриан, — Яра попыталась говорить спокойно, — я не забыла. Просто сейчас не самое подходящее время. У меня подготовка к турниру, и...

— Подготовка к турниру, — перебил он, делая шаг вперёд. — Ну конечно. Турнир — это важно, но знаешь, что ещё важно? — Ещё шаг. — Долги. Особенно долги передо мной.

— Я всё верну, — быстро сказала Яра. — До конца турнира. Я же обещала.

— До конца турнира... — Тэриан растягивал слова, как ленивый кот растягивает мышь перед тем, как съесть. — А если ты проиграешь? Что тогда? Ты исчезнешь, а я останусь с носом? — Он покачал головой. — Нет, дорогая. Я предпочитаю получать оплату... частями. Чтобы быть уверенным.

Он сделал последний шаг — и теперь стоял вплотную. Яра чувствовала запах его парфюма: что-то тяжёлое, пряное, с нотками мускуса и железа.

— Я пришёл за первым взносом, — сказал он. — Три ночи, и проценты каплют. Время возвращать долги.

— Нет, — сказала Яра.

Тэриан замер. Его брови поползли вверх.

— «Нет»? — переспросил он. — Ты сказала мне «нет»?

— Я сказала «нет», — повторила Яра, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не буду этого делать. Ни сейчас, ни потом. Найдите себе другую... должницу.

Тэриан смотрел на неё несколько секунд, а потом расхохотался. Смех у него был неприятный — лающий, отрывистый.

— Другую должницу, — повторил он, отсмеявшись. — Сильвия, милая. Ты забыла, с кем разговариваешь. — Он поднял руку, и дверь за его спиной захлопнулась. Воздух в комнате сгустился, стал тяжёлым, как перед грозой. — Ты забыла своё место.

Он схватил её за волосы.

Быстро, без предупреждения — его рука взметнулась и вцепилась в тёмные пряди, собранные в высокую причёску. Яра вскрикнула. Тэриан рванул вниз, заставляя её опуститься на колени.

— Вот так, — прошептал он. — Вот твоё место, Сильвия, на коленях передо мной. Там, где ты всегда была.

Разум Яры кричал: «Сопrotивляйся! Ударь! Укуси! Сделай что-нибудь!» Но тело... тело Сильвии знало эту позу. Мышцы помнили. Колени сами подогнулись, спина сама выгнулась, губы сами приоткрылись. Дыхание выровнялось — глубокое, ритмичное, как у человека, который делает то, что делал сотни раз.

«Нет, нет, нет, это не я, это тело, это проклятое тело...»

— Скучала по мне? — мурлыкнул Тэриан, глядя на неё сверху вниз. Его свободная рука легла на застёжку брюк. — Вижу, что скучала. Твои губы уже вспомнили.

Яра попыталась отвернуться. Тэриан сжал волосы сильнее, фиксируя её голову.

— Без фокусов, — сказал он. — Ты должна мне, и я намерен получить своё.

Он расстегнул брюки. Яра зажмурилась.

— Открой глаза, — приказал он. — Смотри на меня. Ты знаешь, я не люблю, когда ты жмуришься.

Она не открыла. Тогда он снова рванул её за волосы — боль прострелила шею, и глаза открылись сами.

— Вот так, — удовлетворённо произнёс Тэриан. — А те-

перь — приступай.

Он направил её. Яра попыталась сжать губы — но тело предало. Челюсть сама расслабилась, язык сам двинулся вперёд, горло само раскрылось, принимая его. Годы практики — нет, десятилетия практики — жили в этих мышцах отдельной, независимой жизнью.

Тэриан застонал — низко, утробно.

— Да, — выдохнул он. — Вот так. Ты всегда была хороша в этом, Сильвия. Ты лучшая, никто не умеет так, как ты.

Он двигался жёстко, ритмично, не заботясь о её комфорте. Его пальцы, вцепившиеся в её волосы, контролировали каждое движение — темп, глубину, ритм. Яра задыхалась. Слезы текли по щекам — она чувствовала их солёный вкус, смешанный с чем-то другим. Она пыталась отключиться, уйти в себя, думать о чём-то другом — о Чернолесье, о травах, о старостихе, о чём угодно, — но тело не давало.

Тело Сильвии наслаждалось.

Вот что было самым ужасным. Не боль, не унижение, а то, что между ног становилось горячо и влажно. Что соски тёрлись о шёлк корсета, и каждое прикосновение ткани отдавалось электрическим разрядом. Что внутри, глубоко в животе, сворачивалась тугая спираль возбуждения — против воли, против разума, против всего, во что она верила.

Тэриан заметил.

— Твоё тело честнее тебя, шлюха, — прошептал он, глядя на неё сверху вниз. — Ты можешь сколько угодно строить из

себя недотрогу, но твоё тело знает, чего хочет. Оно течёт, я чувствую запах.

Он ускорился. Яра закашлялась, поперхнулась — он не обратил внимания. Его пальцы впивались в её затылок, как когти хищной птицы. Движения стали резче, глубже — он насаживал её голову на себя, не давая ни секунды передышки.

— Сейчас, — выдохнул он. — Сейчас...

Он резко вышел из её рта. Яра судорожно вдохнула — и в тот же миг горячая влага ударила ей в лицо. Тэриан кончал, запрокинув голову, с глухим стоном, и его пальцы по-прежнему держали её за волосы, не давая отстраниться. Капли текли по щекам, по губам, по подбородку — тёплые, густые, пахнущие мускусом и солью.

— Вот так, — выдохнул он, глядя на неё сверху вниз. — Так гораздо лучше. Тебе идёт.

Яра стояла на коленях, не в силах пошевелиться. Унижение было таким полным, таким всепоглощающим, что она даже не могла заплакать. Только дышала — часто, поверхностно, чувствуя, как чужая влага стекает по коже.

Но Тэриан ещё не закончил.

Он рывком поднял её на ноги — всё так же за волосы, не церемонясь. Яра вскрикнула. Он развернул её спиной к себе и прижал к своей груди. Одна рука по-прежнему держала её за волосы, запрокидывая голову назад. Вторая — легла на живот и медленно, мучительно медленно поползла вниз.

— Ты думала, я ограничусь твоим ртом? — прошептал он ей в ухо. Голос был низким, интимным, почти ласковым — и от этого ещё более жутким. — Нет, дорогая. Я же сказал: с процентами.

Его пальцы нырнули под ткань платья, под кружево нижнего белья — и вошли в неё. Без подготовки, без нежности — жёстко, требовательно, по-хозяйски.

Яра ахнула. Тело отозвалось мгновенно — бёдра сами качнулись навстречу, мышцы сжались вокруг его пальцев, внизу живота вспыхнул пожар.

— Вот так, — прошептал Тэриан, двигая пальцами внутри неё — медленно, глубоко, с оттяжкой. — Вот та Сильвия, которую я знаю. Мокрая, горячая, жадная... Ты можешь сколько угодно притворяться недотрогой, но здесь, — он нажал сильнее, и Яра застонала, — здесь ты всё та же шлюха, что и всегда.

Он трахал её пальцами — ритмично, умело, попадая в какую-то точку внутри, о существовании которой Яра даже не подозревала. Его большой палец лёг на клитор и начал выписывать медленные круги. Двойная стимуляция — внутри и снаружи — сводила с ума.

— Тебе нравится, — шептал он ей в ухо. — Тебе нравится, когда тебя имеют вот так. Грубо, без спроса, как последнюю портовую девку. Скажи это. Скажи: «Мне нравится, лорд Тэриан».

Яра закусила губу до крови. Она не скажет. Не скажет.

Не...

— Скажи, — его пальцы ускорились, большой палец нажал сильнее, — или я остановлюсь.

— Мне... — голос сорвался, — мне нравится... лорд Тэриан...

— Вот умница. — Он поцеловал её в шею — мокро, с прикусом. — А теперь скажи: «Я — шлюха».

— Я... я не...

Он остановился. Пальцы замерли внутри неё — на самом краю, не двигаясь. Яра всхлипнула от разочарования. Тело ныло, требовало продолжения, готово было на что угодно — только бы он не останавливался.

— Я слушаю, — произнёс Тэриан.

— Я... шлюха, — выдохнула она.

— Чья?

— Ваша. Я ваша шлюха, лорд Тэриан.

— Хорошая девочка.

Он возобновил движения — быстрее, глубже, жёстче. Яра стонала в голос, уже не контролируя себя. Разум отключился, осталось только тело — и его пальцы внутри неё, его голос в ухе, его дыхание на шее. Спираль в животе скручивалась всё туже, всё горячее — ещё немного, ещё чуть-чуть, и...

Тэриан убрал руку.

Резко, без предупреждения. Прямо на пике — когда она уже была готова сорваться в пропасть.

Яра вскрикнула — на этот раз от разочарования, от невы-

носимой, болезненной пустоты. Ноги подкосились. Если бы Тэриан не держал её, она бы упала.

— Нет, — сказал он, вытирая пальцы о её платье. — Ты не кончишь. Не сегодня. Ты ещё не заслужила.

Он отшвырнул её на кровать. Яра упала на шёлковые простыни — растрёпанная, раскрасневшаяся, с задравшимся платьем и влажными бёдрами. Тело пульсировало от неудовлетворённого желания — болезненно, мучительно, как незакрытая рана.

Тэриан посмотрел на неё сверху вниз. Поправил камзол и застегнул брюки. Ни один волосок на его голове не сбился.

— Это только первый взнос, — произнёс он. — Я вернусь завтра. И будь готова — я хочу всё, что ты мне должна.

Он выпрямился, одёрнул камзол и направился к двери. У порога обернулся:

— Кстати, о твоём покровителе. Если ты думаешь, что король тебя защитит, — не обольщайся. У Алдариона связаны руки. Совет не позволит ему вмешиваться в личные контракты чаровниц. Таков закон. — Он усмехнулся. — Закон, который я сам и написал. Приятного вечера, леди Сильвия.

Дверь закрылась. Магический замок щёлкнул, возвращаясь на место.

Яра осталась лежать на кровати.

Она не плакала. Слезы кончились — или, может быть, она просто не могла заставить себя плакать этим телом. Телом, которое только что предало её самым отвратительным обра-

зом. Телом, которое до сих пор ныло от неудовлетворённого желания, пульсировало, требовало разрядки.

Она лежала и смотрела в потолок — на серебряные звёзды балдахина, которые мерцали в такт какому-то невидимому ритму. Где-то вдалеке пела птица — странная, с переливчатым голосом, непохожая ни на одну птицу Чернолесья. Пахло жасмином и свечным воском. И ещё — им, Тэрианом. Его запах остался на коже, на губах, на бёдрах, на лице.

Яра медленно села. Провела рукой по лицу — пальцы стали липкими. Она посмотрела на них. Потом перевела взгляд на туалетный столик, где стоял кувшин с водой.

Она не стала умываться. Вместо этого она сидела и смотрела в зеркало.

Из зеркала на неё смотрела роскошная эльфийка с припухшими губами, красными глазами и засыхающей влагой на щеках. Красивая, невероятно красивая и абсолютно, бесприсветно чужая.

— Я ненавижу тебя, — сказала Яра отражению. — Я ненавижу это тело. Я ненавижу Тэриана. Я ненавижу этот мир. Я ненавижу...

Она замолчала. Потому что последнее слово застряло в горле.

«Я ненавижу себя за то, что не смогла сопротивляться».

Вот что было самым страшным. Не то, что Тэриан сделал, а то, что её тело ответило. Что оно хотело. Что оно стонало под его пальцами. Что она назвала себя его шлюхой...

Яра встала и подошла к туалетному столику. Взяла первый попавшийся флакон и швырнула в зеркало.

Флакон разбился. Зеркало — нет. Оно было зачарованным .

— Конечно, — прошептала Яра. — Конечно, оно магическое. Здесь всё, блядь, магическое. Кроме меня...

Она опустилась в кресло и закрыла глаза.

«Думай, Яра, думай. Ты — травница. Ты привыкла решать проблемы. У тебя есть две недели до этого проклятого турнира. У тебя есть король, который хочет ночью проверить тебя. У тебя есть двенадцать кредиторов, которые хотят тебя трахнуть. И у тебя есть тело, которое предаёт тебя при каждом прикосновении».

«Что бы сделала травница?»

Ответ пришёл неожиданно. Травница бы изучила проблему, поняла механизм и нашла бы способ его контролировать.

Магия этого мира работает через чувственность, через удовольствие и возбуждение.

Значит, ей нужно научиться контролировать возбуждение. Не подавлять — а направлять. Как она направляла энергию трав в настойки. Как она рассчитывала дозировки. Как она...

— Формулы, — сказала Яра вслух. — Мне нужны формулы.

Она встала, подошла к секретеру. Достала чистый лист бумаги и перо.

И начала писать.

«Магическая энергия (M) прямо пропорциональна уровню сексуального возбуждения (S) и коэффициенту концентрации (K). $M = S \times K$ ».

«Проблема: тело Сильвии имеет высокий базовый S , но нулевой K (отсутствие контроля)».

«Решение: разработать методiku повышения K через математическую концентрацию. Использовать формулы как якорь для удержания контроля во время... стимуляции».

Она писала и писала, покрывая лист уравнениями, диаграммами и заметками. Почерк у неё был совсем не такой, как у Сильвии, — мелкий, убористый, без завитушек. Рука двигалась быстро, уверенно — это была её стихия. Наука, расчёт и контроль.

Когда она закончила, за окном уже сгущались сумерки.

Яра посмотрела на исписанный лист, потом на своё отражение в магическом зеркале и на кувшин с водой.

Она встала. Подошла к туалетному столику, налила воду в таз. И медленно, тщательно умылась — смывая с лица остатки унижения. Холодная вода пахла лунными лилиями.

— Ладно, — сказала она, вытираясь полотенцем. — Тэриан — это проблема, но проблемы решаемы. Сначала — король, потом — магия, после — турнир, а затем... — она усмехнулась, и усмешка получилась недоброй, — ...потом я найду способ вернуть должок этому ублюдку. С процентами.

Яра встала и расправила плечи.

— Лисси! — крикнула она. — Готовь ванну! Мне нужно привести себя в порядок. У меня ночью... практическое занятие.

Глава 4. Магия: инструкция по применению

Ванна с лепестками лунных лилий оказалась именно тем, что требовалось. Яра лежала в горячей воде, пахнувшей чем-то небесно-цветочным, и смотрела в потолок, расписанный фресками с эльфийскими богинями. Богини были обнажёнными, соблазнительными и, разумеется, обладали бюстом такого размера, что Яра уже почти пе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.